

Академик Даниель-Ропс
Ключ к пониманию Священного Писания

Общее введение в Священное Писание

Библия — книга совершенно исключительная, неисчерпаемая, книга, в которой все сказано как о Боге, так и о человеке.

Вездесущий Бог в ней многообразно нам открывается и дает нам прозревать Свою тайну. Себя же человек узнает в ней, начиная с самых возвышенных стремлений своих и кончая самыми темными сторонами своей совести, теми, где рана, нанесенная первородным грехом, кровоточит у каждого из нас.

Библия содержит в себе учение религиозного порядка, богооткровенную истину, но и человеческое знание и вся наша умственная деятельность находят в ней пищу богатства неиссякаемого. Многие почерпнули из нее и поэзия, и история, и география, и социология. Она легла в основу европейского искусства. Без нее ни ваятели Шартрского собора, ни мозаисты Равенны, ни Микеланджело, ни Рембрант, ни Греко не были бы теми, кем мы теперь восхищаемся. На этой же основе зиждется творчество Шекспира, Расина, Данте и Достоевского. Народы белой расы в большой степени обязаны Библии той ведущей ролью, которую признает за ними история, а другие расы ей же обязаны тем, что они пробудились к большему свету.

Само название, которое мы даем этой книге, включает в себе и выражает все ее исключительные качества. Слово «библос» у греков уже значило «книга». Это слово этимологически коренится в тех далеких временах второго тысячелетия до Р.Х., когда финикийцы города Библоса превратили свой порт в главный склад и рынок папируса. Для нас же эти три слога «Библия» выражают вершину и совокупность всего написанного. Библия — книга книг.

Так Библия на протяжении веков далеко превзошла все остальные творения духа, была и остается самой читаемой книгой в мире.

Учитывая все печатные издания Библии, можно заключить, что общий тираж ее достигает почти миллиарда экземпляров. В переводе она существует почти на семистах языках и диалектах. Библию можно читать на языке эскимосов и уолоф (Сенегал), на языке фламандском и бретонском.

[Вопреки широко распространенному мнению, Церковь не только не запрещает чтения и изучения Священного Писания, но всячески его поощряет, приняв предварительно все необходимые меры к охране богодухновенного текста от всевозможных лжетолкований и извращений. За последние 80 лет, начиная с 1893 года, Святейший Престол опубликовал три большие окружные послания — Энциклики, посвященные вопросу о необходимости чтения, изучения и преподавания Священного Писания с подробными указаниями как для ученых и духовенства, так и для мирян. Энциклики: папы Льва XIII «Providentissimus Deus» (1893 г.), папы Бенедикта XV «Spiritus Paraclitus» (1920 г.) и папы Пия XII «Divino afflante Spiritu» (1943 г.) являются твердыми руководящими правилами для чтения и исследования Священного Писания. Эти Энциклики и все другие важнейшие документы

Святейшего Престола, входят в особый сборник «Enchiridion Biblicum» (4-ое издание, Рим 1960 г.), издающийся Папской Библейской Комиссией в Риме, учрежденной папой Пием Х в 1902 г.] (прим. изд.)

Канон Священного Писания

Библия делится на две, очень неравные по объему, части: книги Ветхого и Нового Завета. Само слово «Завет», если его понять правильно, подводит читателя вплотную к таинственной действительности, занимающей в Священном Писании ключевое положение. Речь идет о соглашении, заключенном между Богом и человеком сначала через посредство одного определенного народа, а затем непосредственно. Это соглашение также называется откровением. Слово «завет» значит: договор, заключенный союз. Еврейское слово Берит, было по-гречески переведено *d i a q h c h*), что обозначает как договор, так и завет, завещание. Первый смысл этого слова прежде всего определяет те особые отношения, которые были установлены между Богом и народом, который Он избрал, чтобы тот служил Ему свидетелем и был Его глашатаем; но оно также обозначает и тот союз, который Сам Бог, вочеловечившись, заключил с человеком через принесение Христом Самого Себя в жертву. Но тем самым сюда включается и второй смысл слова *d i a q h c h*: завет, завещание, ибо в послании к Евреям сказано (9:15): Христос передает тем, кого призвал, вечное наследие, «завещание» Господне. Итак, слово «завещание», в самом трагическом смысле слова, обозначает дарственную на все права усыновления Богу: в этом и заключается благовествование, побеждающее смерть.

Переход от одного союзного договора или завещания (завета), к другому является в то же время переходом из одного плана бытия в другой, решающим шагом вперед в последовательности откровения: в первом случае речь идет еще только об уготовлении и о прообразе, а во втором уже о полном завершении обещанного. Сам Иисус на Тайной Вечери в Страстной Четверг указал на эту разницу между двумя Заветами, сказав: «сия есть кровь Моя Нового Завета» (Мф 26:28). И ап. Павел, пишущий друзьям своим в Коринф, тоже противопоставляет Ветхий Завет полному завершению истины в Новом Завете.

Каждая из двух основных частей Библии состоит из известного количества книг, которые по учению Церкви все содержат как правило жизни, так и правило веры. Правило, норма, канон — по-гречески. И книги Библии называются каноническими потому, что они являются больше чем какие-либо другие писания, авторитетными, что они дают правила, служат примером. В этом-то смысле и употребляет слово канон ап. Павел во 2-м Послании к Коринфянам (10:13). В более широком смысле термины канонический и библейский стали почти синонимами, а слово «канон» стало обозначать совокупность книг, являющихся по учению Церкви составными частями Библии, книг, которые Церковь принимает как достоверно выражающие смысл союза Бога с человеком.

Когда говорят о каноне Священного Писания, это слово подразумевает известный отбор. Существуют ли еще другие писания, которые могли бы быть включены в книги обоих Заветов? Несомненно, такие книги существуют, но включены они не были. Начиная с IV столетия нашей эры, Церковь приняла много решений относительно состава канона Священного Писания. Одним из самых важных было решение Тридентского Собора в 1546 году, последним по времени является постановление Ватиканского Собора 1871 года. В Ветхом Завете католический канон насчитывает сорок пять книг, тогда как канон древнееврейский, которому следуют и протестанты, признает только тридцать девять книг, оставляя вне канона книги Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса, сына Сирахова, пророка Варуха, 2-ю книгу Ездры и две книги Маккавейских (В Библии LXX, в Вульгате, в славянском

переводе и в русской Библии (московского издания 1956 и 1968 гг.) помещены еще: третья книга Маккавейская и третья книга Ездры, а также молитва Манассии, псалом 151-й и сирийское окончание книги Иова, не вошедшие в католический канон. Настоящее издание является перепечатанием московского изд. 1968 г). В Новом Завете насчитывается двадцать семь канонических книг, которые принимают все христианские вероисповедания, не всегда соглашаясь в вопросе об авторстве.

Как произошел отбор канонических книг? Что касается Ветхого Завета, Отцы Церкви, и в особенности блаженный Иероним, общепризнанный знаток и переводчик Священного Писания, опирался, по всей вероятности, на труды иудейских раввинов и учителей Закона, которые, в свою очередь, имели в своем распоряжении сборники священных книг, издаваемые с последовательными исправлениями и улучшениями царем Иосией в 622 году до Р.Х., Ездрой в 444 и, наконец, Неемией, составившим свод книг Священного Писания. Но, по-видимому Церковь в своем выборе руководствовалась главным образом тем, как употребляли Священное Писание Христос и Апостолы, которые пользовались греческим переводом LXX-ти, содержащим полный список книг, и придавали ему тот же авторитет. Что же касается Нового Завета, то канон установился не в силу какого-либо категорического решения церковного авторитета (*ex cathedra*), а по общему согласию, во времена одухотворенной ревности первых христианских общин, которые, будучи близки к откровению, были еще исполнены Духа Святого.

Уже во втором веке отбор канонических писаний был, по-видимому, закончен и всеми признан. Так, в 1740 году, итальянский ученый Муратори, библиотекарь Амвросианской библиотеки в Милане, опубликовал документ, который можно отнести приблизительно к 200 году и который содержит перечень книг Нового Завета. Канон Мураториев совпадает с нашим канонем, за исключением посланий апостола Иакова и апостола Петра, которых в нем нет.

На чем основывает свое суждение Церковь, какими критериями она руководится при отборе писаний Нового Завета, которые она включает в Библию? Тем, чтобы были обоснованы их кафоличность и их апостольское происхождение; иными словами, она искала доказательств того, что принятие их покоится на согласном мнении вселенского христианства и что их происхождение от Святых Апостолов, прямых свидетелей Христовых, может быть установлено.

Богодуховенность Библии

Церковь признает богодуховенность всех книг Ветхого и Нового Завета. Это именно и есть существенно данная истина решающего значения: вся Библия, как целое, является книгой богодуховенной. Все выражения, которые со времен святоотеческих и до нашего времени применялись, чтобы определить природу этих писаний: «книги священные», «Священное Писание», «письменность божественная», как их называл Тертуллиан, «божественная библиотека», как писал блаженный Иероним, «Святая Библия» — все они равнозначны понятию богодуховенности.

Библия есть Слово Божие, обращенное к людям, написанное Слово Божие. Эту истину уже знал народ Израильский, для которого Закон был писанием, которое продиктовал Сам Господь, а голос пророков был голосом Самого Всемогущего; иудейский историк Иосиф Флавий определенно утверждает, что все, писавшие Книгу, писали «по вдохновению Божию». То же утверждают и христиане. Так, ап. Павел, обращаясь к Тимофею, говорит как само собою разумеющееся: «все Писание богодуховенно» (2 Тим 3:16), ап. Петр также учит: «но изрекали его (пророчество) святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр 1:21); то же утверждает многое множество Отцов и богословов всех времен. Таково неизменное учение Католической Церкви.

Но сам термин «богодухновенность» требует уточнения. Его самым совершенным образом определил папа Лев XIII в своей энциклике «Providentissimus Deus»: «Богодухновенность есть сверхприродное действие, посредством которого Дух Святой побуждал и подвизал священников писателей и содействовал им во время писания таким образом, что они осознавали, стремились точно передать и выражали с безошибочной верностью все то, и только то, что Бог повелевал им писать». Это мудрое и глубокое определение, которое в создании Священного Писания оставляет, как за разумом и волей человеческой, так и за Всомогуществом Божиим, роль, каждому из них присущую.

Господь не писал Библию собственноручно, как некогда начертала незримая десница Его на стене дворца Валтасарова слова предостережения. Он не диктовал Библию писателям, находящимся, как медиумы, в состоянии транса, подобно тому как греки воображали себе прорицания дельфийской Пифии. Чтобы создать Библию, Дух Святой обращался к посредству людей, которые становились Его орудиями и при этом не утрачивали ни своей личности, ни своих характерных черт, ни своего таланта или гения, ни умственных установок, ни манеры писать. Дух Святой не уничтожал и не насиловал способностей тех, кому поручено было выразить Его Слово. Поэтому не следует забывать о тех последовательных моментах Богодухновенности, которые определил Лев XIII.

Во-первых, Бог побуждал священнописателей к писанию: не по одной только своей воле брались они за труд, как это делают светские писатели; и сколько раз пророки Израиля признавались, какой мукой бывало для них это принуждение и как велико было искушение избежать этого принуждения, ибо говорить от имени Господа — тяжелое бремя.

Во-вторых, Бог просвещал тех, кого Он избирал Своими глашатаями. Но просвещал Он их таким образом, что, оставляя неприкосновенной деятельность человеческих способностей, Он сообщал написанному ими божественное значение. Суждение, выраженное таким образом писателем, оставаясь и его собственным суждением, и вместе с тем в силу сверхприродного действия Божия, неотъемлемого от действия человеческого, становилось суждением Божиим.

Писание, по мере того, как оно становилось Словом Божиим, оказывалось «предохраненным от всякой ошибки». Таков непосредственный смысл того, что можно назвать принципом непогрешительности Библии: Священное Писание ошибаться не может. Но такая формулировка еще слишком узка: она слишком ограничивает поле действия богодухновенности. Так как Бог есть Сама истина, то принцип непогрешительности должен быть рассматриваем как неотъемлемое свойство всех дел Божиих.

Этот Божий авторитет распространяется таким же образом на всю Библию, все содержание которой тоже является делом Божиим. Комиссия по библейским вопросам в постановлении от 17 июня 1915 г. говорит: «То, что автор Священного Писания утверждает, излагает, дает подразумевать, следует рассматривать как утверждаемое, излагаемое и подразумеваемое Духом Святым». Таково утверждение католического вероучения.

Остается третий момент: изложение Священного Писания в письменном виде. И в этой области Бог, без сомнения, воздействовал на тех, на ком лежала обязанность запечатлеть в письменном виде Его Слово. Если основные данные, глубинные понятия непосредственно зависели от Духа Святого, мог ли оставаться вне этой зависимости выбор слов, фраз, выражений, которые в человеческой речи так близко связаны с ними? Но здесь и привходят личные качества священнописателя, человека из плоти и крови, подчиняющегося определенным навыкам мышления, живущего в определенную эпоху и в определенной среде и неспособного освободиться всецело от этих условий,

чтобы быть всецело духовением Божиим. Бог решил обращаться к человеку через человека же, следовательно вполне естественно и необходимо считаться с личностью этого человека, чтобы полностью уразуметь его слова.

Толкование Библии

Энциклика «*Divino afflante Spiritu*», отличающаяся исключительной ясностью, обратила наше внимание на толкование Библии. Каждый человек принадлежит определенной эпохе и определенному обществу, которые влияют на его образ мышления и выражения. Поэтому нам надлежит ознакомиться с историческими и социальными условиями, в которых находился священнописатель во время составления данного богодухновенного писания. У каждого человека — свой темперамент, свой характер, который отражается в том, что он пишет: следует, поскольку это возможно, разобраться в его психологии и с ней считаться. Так, например, психология Исаяи и психология Иеремии глубоко отличаются одна от другой. Даже у людей, исполненных Духа Святого, личные реакции испытывают влияние их социального положения: совершенно ясно, что суровый крестьянин Амос, сын священника Иезекииль, Исаяя, принадлежащий к высшему обществу, говорят не одним и тем же языком.

С другой стороны, не надо забывать, что библейские тексты, которые мы читаем, являются переводами. В прошлом нередко бывало, что это были переводы с переводов: на французском языке приходилось читать фразы, переведенные с латинского языка, которые в свою очередь были переведены с греческого, а эти последние иногда с древнееврейского. В наше время очень много сделано для непосредственного перевода с оригинала. Кроме того, каждый из языков, которыми в разное время пользовался избранный Народ, еврейский литературный, на котором писалось Священное Писание, арамейский разговорный и даже народный греческий, которым пользовались апостолы, имел свой собственный присущий ему дух языка, своеобразные обороты речи, выражения, которым часто невозможно подыскать точного соответствия на наших современных языках. Перевод с этих языков, более чем любой иной перевод, всегда в какой-то степени является «предательством». Наконец, когда речь идет о восточных языках, легко прибегающих к гиперболе, насыщенных поэзией, пропитанных усиливающим значимость лиризмом, переводу с этих языков следует применять какой-то коэффициент, позволяющий понизить тон до уровня, принятого у нас при нашей более сдержанной манере выражаться. Некоторые выражения, чисто идиоматические, когда их приводят дословно, остаются непонятными современному читателю, тогда как они были совершенно ясны для семитов, современников Христа: кто знает теперь у нас, что в Библии всюду сердце считается органом мышления, а почки — органом чувств, или, что рог является символом могущества? Например, такая фраза, как «Бог воздвиг нам рог спасения» (Лк 1:69) значит: «Бог посылает нам могущественного Спасителя».

Литературные жанры

Для того, кто хочет глубже вникнуть в смысл Библии, будет столь же важно разбираться, к какому литературному жанру относится та или иная из библейских книг. Каждый человек, знакомый с литературными произведениями, знает, что поэт, романист, философ, историк не применяют в своих писаниях один и тот же регистр и стиль. Библейские писатели, перед которыми стояло задание выразить данные сверхприродного порядка, делали это, сообразуясь со свойствами того литературного жанра, в котором они писали. Поэзия или песня могут быть не менее ценными свидетелями истины, чем историческое повествование или философский трактат, но свидетельствуют они иным образом. Среди народа Израильского пользовался большим успехом своеобразный литературный жанр, называвшийся «мидраш». Это был род

притчи, рассказ с нравоучением, от которого требовалось не столько точный пересказ каких-либо происшествий, сколько выявление глубокой вечной истины. Подход к этому жанру исключительно с точки зрения исторической критики может привести к ошибочному толкованию. Вся Библия абсолютно истинна, и как целое и в каждой части своей, но каждая часть ее истинна в той мере, в какой она может выразиться в данной литературной форме. И в этом вопросе энциклика Пия XII «Divino afflante Spiritu» ставит все точно на свое место, а позже Энциклика «Human! Genetis» (1950 года) еще раз говорит о том же применительно к началу Библии, т.е. к книге Бытия. Итак, выявление литературного жанра какой-либо части Писания должно быть одной из первых забот комментатора Библии; а богатство содержания Священной Книги станет благодаря этому еще очевиднее: предистория в книге Бытия, история государственная в книгах Царств и Маккавеев, историческая апология в Паралипоменон, бытовые притчи нравственного содержания в книгах Руфи, Товита, Есфири, сборники изречений в Притчах Соломоновых и Екклесиасте, философский трактат в драматической форме в книге Иова, возвышенная поэзия Песни Песней — все эти литературные жанры и некоторые другие собраны в Ветхом Завете; а в Новом Завете какое разнообразие между синоптическими Евангелиями и Евангелием от Иоанна, разными Посланиями и, наконец, Откровением Иоанна Богослова.

Дидактическое значение событий

Мы изложили главные условия, при соблюдении которых мы можем надеяться воспринимать, читая Библию, обращенное к нам Слово Божие. Но это еще не все: Библия — не только высказанное Слово Божие, она повествует нам и о явлении Бога в делах Его. На всем протяжении Священной Книги мы не только слышим голос Господа, но видим и Его дела не менее поучительные, оказывающие не меньшее влияние, чем Его слова. Конечно, вся история человечества, «вся эта цепь частных причин, приводящих к созданию и разрушению империй, зависит, как говорит Боссюэ, от тайных велений Провидения», но истинная цель Библии — отчетливо выразить и показать людям, что «вся их история, все, что с ними случилось изо дня в день, было постепенным и непрерывным исполнением того, что предрек им Дух Святой». Библейские тексты неоднократно напоминают нам о том, что человек в историческом процессе, — в противоположность взглядам, присущим греко-римскому язычеству, — не игрушка слепого Рока; он в руках некоей Силы, некоего Начала, личного Бога, от Которого все зависит и воля Которого — вести человека к его подлинной цели. Библия в обеих своих частях есть, стало быть, повествование — правда неполное, ибо в ней есть и пробелы, — но совершенно связное о действии Бога в мире от самого начала времен и до того часа, когда перед кончиной последнего из апостолов, слово Откровения было вручено на хранение Церкви Христовой. Случалось иногда, что это действие Божие проявлялось непосредственно, внешне и ощутимо — чудесами. Первый Ватиканский Собор утверждает, что чудеса — «доводы, доказывающие всемогущество и всеведение Божие и, таким образом, они являются знамениями Откровения Божия, достоверными и доступными разумению каждого». Эти знамения следует принимать в их исторической объективности, не преувеличивая, но и не умаляя их чудодейственного значения. Некоторые из этих чудес могут быть теснейшим образом связаны с естественными явлениями, как, например, десять казней Египетских, их возникновение, их чрезвычайный размах, их накопление, помощь, оказываемая ими Избранному Народу, и последствия, ими вызванные, — все это доказывает, что они совершались по воле Божией. Более того, чудеса Христовы своей вдохновенной простотой, бесконечной любовью, своим богатством нравоучительного смысла обязывают ум признать их доподлинными проявлениями неизреченной воли Божией. Однако действие Божие становится в Библии доступным человеческому разуму не только посредством чудес. Это действие нам следует

признать на каждой странице Священного Писания. Оно проявляется как в душах, так и в делах; оно направлено к тому, чтобы постепенно возвысить человечество ко все более полному свету, ведя его путями поистине нелегкими, не прямыми, но восходящими; эти пути надо проследить от начала и до конца текста Библии, чтобы понять последовательность отдельных ее частей, которая нас иногда озадачивает. То, о чем повествует Книга книг, от сотворения мира, описанного в книге Бытия и до Страшного Суда, символически представленного в Откровении Иоанна Богослова, — есть не что иное, как вся история человечества под водительством Божиим.

Ветхий Завет

Ветхий Завет включает в себе первую часть этой Священной истории человечества. Он начинается с повествования о происхождении мира и человека по преданиям, бытующим с незапамятных времен и хранимым Евреями. В то же время Ветхий Завет с изумительной точностью вскрывает те психологические предпосылки, которые, переходя из поколения в поколение, легли в основу человеческого поведения. Настоящая история Откровения начинается в тот день, когда некий семит-кочевник из окрестностей Ура Халдейского услышал зов и повиновался повелению Свыше. Чей призыв? Призыв единого истинного Бога, Который избрал Себе Авраама глашатаем Своего слова и повелел, чтобы он сам и его семья порвали навсегда с заблуждениями и мерзостью многобожия, окружавшего их. С момента, когда прозвучал глас Божий, люди стали перед лицом истины, и служить ей стало их долгом. В этом смысле человечество всецело чадо Авраамово, когда оно верно истине, а Ветхий Завет не что иное как история потомства этого патриарха. Верность Богу Авраама и его потомства была вознаграждена и скреплена событием первостепенного значения: СОЮЗОМ. Тот народ, который произошел от патриарха из Ура, Бог избрал Себе в свидетели, в глашатаи и хранители Его Слова. Союз — это своего рода договор; народ, который позже получил имя Израиля, с самого начала своего существования пользуется особым покровительством Всемогущего, он — «Народ Избранный», при условии, что останется верным, что будет следовать заповедям Господним и, главное, не отступит ни в какой мере от единобожия. Этот Союз, неоднократно подтверждаемый, является как бы ядром всего Ветхого Завета, тем ядром, по отношению к которому все остальное обретает свой подлинный смысл.

О божественном значении Ветхого Завета

Итак, все священные тексты отмечены печатью Божией, все они отражают тоску души, алчущей и жаждущей Господа. Не иметь в виду эту главную цель ветхозаветных книг — значило бы обречь себя на полное непонимание Библии. Так, например, невозможно понять глубокие намерения священнописателей исторических книг Библии, предъявляя к этим авторам те требования, с которыми мы подходим к современным историкам: единственная и подлинная цель библейских авторов — раскрыть действие Божие и в мире, и во времени. Современная и столь спорная так называемая «объективность» здесь неприложима. В Библии же только история написана под руководством Божиим соответственно Его предначертаниям; учительные книги тоже ставят себе задачей помочь человеку уразуметь, как он должен повиноваться заповедям Божиим; и в многообразных поэтических творениях провозглашается слава Бога и верующим открываются пути к молитве Ему, а «мидрашим» дают уразуметь, как непреложно совершается Его воля.

О человеческом значении Ветхого Завета

Будучи книгой Божией, Ветхий Завет в то же время и книга человеческая, ибо божественная история коренится в истории человеческой. Одним из самых значительных достижений библейской науки за последние полвека можно

считать установление на самой твердой основе взаимоотношений истории народа Израильского с историей других народов, с которыми Израиль соприкасался. В силу того, что Еврейский народ часто вел скитальческую жизнь и по той причине, что Палестина, по своему географическому положению, находится на перекрестке дорог, ведущих с севера на юг и с востока на запад, Еврейский народ был вовлечен в великий поток исторических событий, имевших место в восточной части Средиземноморского бассейна, в Малой Азии и Месопотамии. События Ветхого Завета развиваются на фоне грандиозной фрески, где, исполняя свое назначение, попеременно возникают и рушатся великие империи. Халдеи, Хетты, Финикийцы, Египтяне, Ассирийцы, Греки, Скифы и Римляне проходят перед нами как действующие лица решающих событий, но и они не более как пешки на шахматной доске Господа.

В этом отношении новейшие исторические исследования внесли значительный вклад в изучение Библии. Сколь многие главы Библии, будучи поставлены в соответствующий исторический контекст, благодаря археологическим открытиям стали гораздо более понятными. Например, такой эпизод как жертвоприношение Исаака Авраамом, предполагающий существование человеческих жертвоприношений, стал понятнее после открытия в халдейских гробницах и на высотах Палестины скелетов детей и рабов, которые явно были принесены в жертву. Ритуальные сожжения Иерихона и других городов, о которых говорится в книге Иисуса Навина, не только напоминают сожжение Трои, следы которого обнаружены Шлиманном, но, по всей вероятности находят себе подтверждение в самих развалинах Иерихона, где были найдены кладки стен с остатками пожара. Иные подробности Священного Писания, остававшиеся непонятными нашим предкам, теперь нашли себе благодаря историческому контексту исчерпывающее объяснение. Так Хеттеяне, или Хетты, о которых иногда идет речь в Библии (напр., Урия, муж Вирсавии, был Хеттеянин), почти не были известны до нахождения знаменитых таблиц в Богазкёй (Хаттушаш). Данные некоторых библейских повествований о происходившем в соседних с Палестиной странах, достоверно подтверждаются данными археологии. Так, египтология подтверждает данные исторических повествований об Иосифе и Моисее. Археологические данные помогают теперь понимать даже и те главы Библии, которые скептики долго считали не более как баснями. Библейский потоп находится в тесной связи с потопом, о котором повествуется в месопотамском эпосе о Гильгамеше, а Вавилонская башня не может не напоминать священные многоярусные башни астрального политеизма Вавилона. Все это нельзя недооценивать.

Свидетельство религиозного характера

Следует однако еще раз повторить, что историческое изучение Ветхого Завета, каким бы захватывающим оно ни было, как бы много оно ни объясняло, не должно отвлекать от главной цели. Изучение данных исторических, археологических, научных и литературных, тех данных, совокупность которых создала среду, в которой совершалось Откровение, полезно и даже необходимо: оно помогает лучшему пониманию религиозной действительности. Но всякое исследование, ограничивающееся лишь установлением данных такого рода, не достигнет подлинного понимания смысла Библии. Конечной целью человека, внимающего словам Священного Писания, может быть только — услышать Слово Божие.

Истина Божия открывается людям не сразу и не во всей своей полноте, даже тем, кого Господь избрал, чтобы быть Ему свидетелями. В продолжении всей истории Израиля постепенно происходило восхождение к Свету и проникновение в неизреченное познание. Восхождение это было, несомненно, нелегким, и само это проникновение происходило среди соблазнов и угроз, ибо дело касалось людей, легко поддающихся всяким искушениям. Но эта

немощность, на которую священнописатели, не колеблясь, проливали беспощадный свет, не только не вредила Истине в целом, но еще и утверждала ее. Так, в силу контраста добродетель возникшая там, где царит порок, является еще прекраснее. Таков закон постепенного образования Священного Писания: закон восхождения ко все более полному откровению. Этот подъем совершается как бы тремя этапами: Авраам слышит призыв единого Бога, Который заключает с ним союз; Моисей на горе Синай начертывает по Откровению Всемогущего религиозный и нравственный закон, которому должен будет следовать человек; наконец пророки стремятся перевести религию из плана социологического, на котором верность священным заповедям совпадает с принадлежностью к Избранному Народу, до уровня внутренней духовной жизни, где каждый несет ответственность только за свои поступки, но за все свои поступки перед судом своей совести и перед Всевидящим Богом.

Пророческое свидетельство

За этим восхождением как бы действует некая направляющая его сверхприродная, вневременная сила, предрекающая и объясняющая ход событий; эта сила и есть дух пророческий. Им проникнут весь Ветхий Завет. Носители этого духа не только Богодухновенные люди, называемые пророками, но и все великие деятели священной истории, в той мере, в какой они были орудием Бога. Обладая подлинным даром пророчества, Авраам сознает себя «отцом множества народов», Иаков благословляет перед кончиной свое потомство, царь Давид предвидит во вдохновенном псалме своего отдаленного Потомка. Все происходит так, как если бы по воле Провидения, Библия была книгой огромных размеров, сверхвременной, написанной до исполнения изложенных в ней событий, и к которой имели доступ богодухновенные люди. Дух пророческий некоторым образом оказывается опытным доказательством действия Божия.

Этот дух пророческий действует в избранниках Божиих, в патриархах, царях, пророках, обладающих исключительным даром конкретно предвещать будущее. И так как библейский текст охвачен и пронизан этим духом, он исполнен значением, превышающим его буквальный смысл. Любая фраза Библии всегда значит больше, чем составляющие ее слова. Понимать их следует не только в конкретном смысле; слова эти вызывают соответствующие обертоны, выражающие более сокровенные истины, раскрывая в образах то, чего не может выразить язык человеческий. Иначе говоря, за пределами точного, формального смысла, существует еще и смысл символический, еще более значительный.

Свидетельство вселенского значения

Итак, вся история Избранного Народа, будучи направленной, озаренной, перенесенной в сверхприродный план божественным Откровением, приобрела для всего человечества, оживотворенного этим Откровением, некий показательный смысл, прообразующий его собственное назначение. Так пророческие утверждения Библии относятся не только к судьбам Избранного Народа, но и к судьбам человека всех времен. Вот почему Церковь избирает в Ветхом Завете то, что символически, аналогически совпадает с данными Нового Завета. Сам Иисус прибегал к такой символике. Предвещая Свою смерть, Свое трехдневное пребывание в гробу и Воскресение, Он говорил о знамении Ионы пророка, поглощенного морским чудовищем, из которого пророк был извергнут через три дня. Так же поступает и Церковь, когда прославляет Марию, Матерь Бога, ставшего человеком, словами, которые в Библии относятся к Премудрости: «Искони... изначала». Можно пойти еще дальше путем этих истолкований, по примеру Отцов Церкви первых веков. С каким воодушевлением они символически отождествляли судьбу человека с ходом событий, изложенных в Библии: это мы, изгнанные, находимся вдали от

нашего подлинного отечества, как Израиль в Египте; нас крещальные воды возвращают к жизни, как воды Чермного моря возвратили народ Моисея к его назначению. Такого рода символическое и прообразное толкование Библии мы встречаем и в богослужебных текстах и в архитектуре соборов.

Свидетельство о Мессии

Если бы Священное Писание давало людям только правила нравственности и духовной жизни, открывало им врата светлого будущего и указывало путь к полному обновлению, это было бы уже очень много: но оно дает еще больше: все вышесказанное некоим образом входит в еще более решающую реальность, имя которой — мессианизм. В озаренном Свыше сознании Избранного Народа эти великие данные не остались в отвлеченном состоянии: они подлинно воплотились, стали живыми в некоем Существо. Это существо — Мессия. Он одновременно и архетип человека и возвеститель воли Божией, сверхприродный виновник Откровения и спасения. Потому Ветхий Завет весь проникнут духом пророческим. Его уже прозревали Патриархи в неясных очертаниях далекого будущего и слава Царей была как бы прообразом Его славы; Пророки предвозвещали Его многообразно, и упование на Него наполняло сердца Израильтян в горчайшие дни бедствий, дабы не впали они в отчаяние. Действительно, сколько событий Ветхого Завета обретают свой истинный смысл только в этом освещении! Пасхальный агнец, избавляющий верных от меча ангела смерти; медный змий, при одном взгляде на которого исцеляются больные; манна, питающая странствовавших по пустыне. Все это и многое другое — знамения о Нем. При чтении Ветхого Завета возникает такое представление: Бог, избрав один народ среди многих, руководя им постепенно и милосердно, испытывая его крайними бедствиями, но неизменно возвращая ему надежду, восхотел, чтобы сверхприродное Существо, через которое будет дано миру окончательное Откровение, могло, по яркому образному выражению Библии, «произрасти» в душе Израиля, прежде чем воплотиться от Девы Марии. Для умеющего читать — все книги Ветхого Завета с ослепительной очевидностью сходятся, ведя к одному событию: воплощению Сына Божия. Но не случайно и то, что в роковых глубинах Избранного Народа, в самых законных требованиях его в отношениях к окружающему и совершающемуся уже предначертано отвержение Мессии Израилем, ибо последствием этого отвержения явилась жертва Мессии и искупление Кровью Его.

Новый Завет

Перейти от Ветхого Завета к Новому это совсем не значит заменить одну книгу другой, закрыть одну, чтобы затем открыть другую, в корне новую. Ошибочно видеть в Библии почти что механическое соединение двух разнородных, внутренне не связанных частей. Во многих средневековых произведениях искусства, как, например, на одном из витражей Шартрского собора, можно видеть четырех великих Пророков, несущих на своих раменах четырех Евангелистов. Это верный образ: Ветхий Завет служит основанием Новому. И во многих отношениях общий стиль Евангелий, Посланий Апостольских, Откровения Иоанна Богослова, не отличаются многим от стиля, к которому нас приучили Писания Израиля. Сложная игра ритмов, повторений и аллитераций, которую нам открывает тщательное изучение текстов Нового Завета, тесно связано с оборотами древнееврейского «устного стиля». Для слов Нагорной Проповеди с их мерным чередованием благословений и осуждений есть свои аналогии в книгах Бытия и Пророков. И притчи, которые так часты в устах Иисуса, продолжают традицию многих библейских повествований. Христос, а за Ним и Апостолы постоянно ссылаются на Ветхий Завет, приводя целые фразы в доказательство истинности Своих утверждений. Еще чаще, чем текстуальные ссылки и цитаты, встречаются в их речи бесчисленные ветхозаветные слововыражения. Известно, например, что возвышенный гимн «Величит душа Моя Господа», вырвавшийся из глубины души молодой и благочестивой

нашего подлинного отечества, как Израиль в Египте; нас крещальные воды возвращают к жизни, как воды Чермного моря возвратили народ Моисея к его назначению. Такого рода символическое и прообразное толкование Библии мы встречаем и в богослужебных текстах и в архитектуре соборов.

Свидетельство о Мессии

Если бы Священное Писание давало людям только правила нравственности и духовной жизни, открывало им врата светлого будущего и указывало путь к полному обновлению, это было бы уже очень много: но оно дает еще больше: все вышесказанное неким образом входит в еще более решающую реальность, имя которой — мессианизм. В озаренном Свыше сознании Избранного Народа эти великие данные не остались в отвлеченном состоянии: они подлинно воплотились, стали живыми в некоем Существо. Это существо — Мессия. Он одновременно и архетип человека и возвеститель воли Божией, сверхприродный виновник Откровения и спасения. Потому Ветхий Завет весь проникнут духом пророческим. Его уже прозревали Патриархи в неясных очертаниях далекого будущего и слава Царей была как бы прообразом Его славы; Пророки предвозвещали Его многообразно, и упование на Него наполняло сердца Израильтян в горчайшие дни бедствий, дабы не впали они в отчаяние. Действительно, сколько событий Ветхого Завета обретают свой истинный смысл только в этом освещении! Пасхальный агнец, избавляющий верных от меча ангела смерти; медный змий, при одном взгляде на которого исцеляются больные; манна, питающая странствовавших по пустыне. Все это и многое другое — знамения о Нем. При чтении Ветхого Завета возникает такое представление: Бог, избрав один народ среди многих, руководя им постепенно и милосердно, испытывая его крайними бедствиями, но неизменно возвращая ему надежду, восхотел, чтобы сверхприродное Существо, через которое будет дано миру окончательное Откровение, могло, по яркому образному выражению Библии, «произрасти» в душе Израиля, прежде чем воплотиться от Девы Марии. Для умеющего читать — все книги Ветхого Завета с ослепительной очевидностью сходятся, ведя к одному событию: воплощению Сына Божия. Но не случайно и то, что в роковых глубинах Избранного Народа, в самых законных требованиях его в отношениях к окружающему и совершающемуся уже предначертано отвержение Мессии Израилем, ибо последствием этого отвержения явилась жертва Мессии и искупление Кровью Его.

Новый Завет

Перейти от Ветхого Завета к Новому это совсем не значит заменить одну книгу другой, закрыть одну, чтобы затем открыть другую, в корне новую. Ошибочно видеть в Библии почти что механическое соединение двух разнородных, внутренне не связанных частей. Во многих средневековых произведениях искусства, как, например, на одном из витражей Шартрского собора, можно видеть четырех великих Пророков, несущих на своих раменах четырех Евангелистов. Это верный образ: Ветхий Завет служит основанием Новому. И во многих отношениях общий стиль Евангелий, Посланий Апостольских, Откровения Иоанна Богослова, не отличаются многим от стиля, к которому нас приучили Писания Израиля. Сложная игра ритмов, повторений и аллитераций, которую нам открывает тщательное изучение текстов Нового Завета, тесно связано с оборотами древнееврейского «устного стиля». Для слов Нагорной Проповеди с их мерным чередованием благословений и осуждений есть свои аналогии в книгах Бытия и Пророков. И притчи, которые так часты в устах Иисуса, продолжают традицию многих библейских повествований. Христос, а за Ним и Апостолы постоянно ссылаются на Ветхий Завет, приводя целые фразы в доказательство истинности Своих утверждений. Еще чаще, чем текстуальные ссылки и цитаты, встречаются в их речи бесчисленные ветхозаветные слововыражения. Известно, например, что возвышенный гимн

«Величит душа Моя Господа», вырвавшийся из глубины души молодой и благочестивой еврейки Марии, от начала и до конца является сплетением ветхозаветных цитат и выражений.

В плане развития религиозного мышления Новый Завет представляет в значительной степени продолжение Ветхого. Не сказал ли прямо Иисус, что Он пришел «не разрушить, а исполнить» Закон, всеми почитаемую Тору? Его учение связано с древней традицией Его народа, для которого «возлюби Господа Бога твоего» было первой заповедью и которому была определенно известна вторая заповедь, подобная первой: «возлюби ближнего твоего как самого себя», ибо этому уже учила книга Левит (19:17-18). Обещание спасения, величественное видение грядущего Царства Божия, возвещаемые Христом, несомненно имеют древнееврейские источники. Мессианские упования Израильского Народа и его ожидание Спасителя и Иисус делает Своими, одухотворяя их и очищая от националистических и слишком земных черт, дабы сообщить им сверхприродное значение.

От Ветхого Завета к Новому

Поскольку между Ветхим и Новым Заветом нет разрыва и они неотделимы друг от друга, особенно важно понять каким образом совершается переход от одного к другому. Мы уже говорили, что Сам Христос и Его ближайшие ученики показывали, что произошел некий переход, переход к исполнению и к разъяснению. «Если Новый Завет содержался уже в Ветхом, говорит Блаженный Августин, то ныне, через Новый, Ветхий Завет раскрывает свое значение». «Quod Moyses velat, Christ! doctrina revelat» («Новый Завет в Ветхом скрывается. Ветхий в Новом открывается») скажет позже мудрый Сугерий, аббат монастыря Сен-Дени (ок. 1081-1151 гг.), министр королей Франции Людовика VI-го и Людовика VII-го. То же почти дословно повторяет надпись на статуе св. ап. Павла в церкви св. Трофима в Арле: «Закон Моисеев скрывает то, что учение Павла раскрывает: зерна, данные на Синае, благодаря апостолу, стали мукою». Это и есть та «мистическая мельница», которую романские и готические ваятели часто изображали, например, на одной из капителей собора в Везле (Vezelay).

Между Ветхим и Новым Заветом есть больше чем различие, но различие вполне психологической обстановки. Это различие проистекает из духа любви, которым проникнуто все учение Иисуса, любви, от Него Самого исходящей, столь отличной от иудейского законничества и столь противоположной духу исключительности Избранного Народа, ибо этот дух любви, расширяет до бесконечности само понятие «ближнего»; здесь есть уверенность в исполнении и осуществлении обетования. Откровение, данное Израилю, как бы велико оно ни было, оставалось незаконченным. Благодаря Новому Завету человечество обладает полнотой Откровения, Альфой и Омегой всего. В послании к Евреям сказано: «Бог, многократно и многообразно говоривший в древности отцам в пророках, в эти дни последние говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и сотворил миры» (Евр 1:1-2 греч.).

Поэтому естественно и необходимо пользоваться Ветхим Заветом для толкования Нового и в той же и даже большей мере естественно и необходимо рассматривать Ветхий Завет только в свете Нового. Вот как христиане должны читать Библию, чтобы проникнуть в ее сокровищницу. Таким образом, все становится ясным, подтверждается, делается понятным. Оба Завета, Ветхий и Новый, едины в своем свидетельстве об одном и том же, взаимно дополняя и подтверждая друг друга, ведя к окончательному завершению нашего возрождения в Боге через Христа. В свете этого Паскаль говорит: «чтобы понимать Писание нужно уметь находить тот основной смысл, при котором все тексты согласуются... у каждого автора есть такой основной смысл, на котором согласуются все мнимо противоречащие друг другу тексты, иначе вообще не будет никакого смысла. Этого нельзя сказать о Писании и Пророках; в них

было больше чем достаточно здравого смысла. Следует поэтому искать такой смысл, в котором согласовывались бы все мнимые противоречия. Значит истинный смысл не у Иудеев; но, во Иисусе Христе, примирены все противоречия». «Ибо конец Закона — Христос», уже провозгласил апостол Павел. Христос, о Котором Паскаль говорит в лапидарной формуле: «Оба Завета взирают на Него, Ветхий как на свое упование, Новый — как на образец, и оба как на свое средоточие».

Евангелие

Единственное сосредоточие и подлинный автор всего, что повествуется в Новом Завете — это Христос, Бог Живый.

Первую часть Нового Завета составляет Евангелие . Оно едино, ибо это одно единое свидетельство, данное четырьмя свидетелями. «Евангелие» по-гречески значит «благая весть». Был обычай, после победного окончания боя посылать гонца-глашатая с радостной вестью о победе, это и было «евангелие». Но какая весть могла быть «благодатью» для каждого Израильянина? Это была та весть, которая в продолжении двух тысячелетий укрепляла надежду в сердцах верующих: «Мессия пришел, настало Царство Божие и человечество будет жить под Законом». Евангелие в сущности только это и возвещает: ожидаемый Мессия — это Иисус, а все остальное — только логическое следствие этого утверждения. Итак, Евангелие есть одновременно и нерасторжимо повествование о жизни, смерти и воскресении Иисуса и возвещение Благой вести, принесенной Им миру. Одно тождественно другому.

В Евангелии Христос предстает как единый для всех образец. О Нем утверждается и Он Сам утверждает, что Он и Человек — Сын Человеческий и Бог — Сын Божий. Подлинный человек, Он воспринял все, что составляет жизнь человеческую, — ибо зло, которому Он не причастен, не принадлежит по существу к жизни человеческой; зло не есть бытие, а только отсутствие положительного бытия, т.е. добра. Все положительно сущее Он освятил, обожил наивысшим примером Своей жизни и смерти. В единении со всеми братьями Своими Он возносит их с Собой в ту сверхприродную область, где человек, омытый от грехов своих и искупленный, — больше, чем человек, ибо Христос, истинный Бог, все совершил как Бог, обеспечив тем самым возрождение плотского и немощного естества, которое Он изволил воспринять, дабы даровать смертной человеческой жизни окончательное религиозное значение. Все это и есть Евангелие.

В сборнике книг Нового Завета Евангелие представляет четыре небольшие книги обычно называемые Евангелиями . Эти книги были написаны между 50 (то есть через двадцать лет после смерти Иисуса) и 100 годом разными авторами, которые ставили себе разные цели, но каждый из них знал написанное другими, или, по крайней мере, располагал аналогичными документами. Отсюда происходит и сходство и различие их текстов. Особенно поразительно сходство между тремя первыми евангелистами: Матфеем, Марком и Лукой. Эти Евангелия называются «синоптическим», потому что во многих частях они совпадают (по-гречески *συνουχία*). Иоанн, четвертый и последний евангелист, отличен от других не характером вдохновения, но главным образом своим направлением и стилем. Поместив все четыре Евангелия в свой Канон, но не слив в одно, Церковь хотела подчеркнуть, что каждое из Евангелий имеет свой смысл, свое значение, отличное от других влияние. Не было бы ничего легче, как сделать из них некий синтез, обобщение всех данных. Единые по сути, различные по тону, по манере выражаться, по значению, все четыре Евангелия представляют собой в известном смысле живые свидетельства Церкви Христовой, принявшей, избравшей и распространившей их.

Деяния Апостолов — Послания — Откровение Иоанна Богослова

Тот факт, что Церковь сохранила четыре Евангелия, помогает понять наличие книг, следующих за ними: Деяний Апостолов, Посланий и Откровения Иоанна Богослова. Иначе как объяснить, что, услышав Слово Самого Бога, быв свидетелем жизни Самого Христа, можно еще почувствовать потребность узнать о жизни людей, хотя и святых, и внимать учению мыслителей, хотя богодухновенных, какими они все были, и гениальных, как апостол Павел, но все же стоявших в плане человеческого разума, а не непосредственно в плане прямого откровения Бога, Самим Богом данного. Эти писания были включены в Новый Завет, чтобы в некотором смысле подтвердить, развить и объяснить евангельский текст, а также, чтобы показать, как Слово Христа, посеянное Им в неблагодарную человеческую почву, проросло в ней и стало деревом.

Книга Деяний Апостольских представляет хронику событий, написанную хорошо осведомленным современником. В ней рассказано самое начало той великой цепи событий первых времен христианства, когда малочисленная горсточка верующих сумела, несмотря на опасности, сохранить вверенное ей благовестие, а затем распространила его по всей вселенной. Деяния — документ исключительно ценный об этом решающем периоде времени. Не будь его, знали бы мы о духовных побуждениях, обусловивших верность распятому Пророку? О иерусалимской общине, послужившей житницей, где сохранились семена истины? Что могли бы мы знать о вопросах, встававших перед этой первохристианской Церковью? И как могли бы мы составить жизнеописание святого Павла, первейшего из миссионеров, апостола язычников? Несомненно, Деяния Апостолов лишены яркой притягательной силы, присущей Евангелиям: в них мы уже не видим живого Христа, не слышим Его божественных слов; но все же эта книга живописна, она захватывает и увлекает: она от начала и до конца одушевлена верой удивительной глубины и свидетельством несокрушимой верности.

За этим повествовательным произведением в новозаветном Каноне следуют Послания, то есть письма вестников Христа, рассылаемые ими по всей Римской Империи первохристианским общинам, ими основанным, чтобы уточнить, разъяснить, развить основные данные Откровения. Церковь ввиду их учительного значения, собрала и распространила их. Это не догматические, не богословские или моральные трактаты, но тексты, порожденные самой жизнью, как отклик на определенные события, тексты, которым талант их авторов и действие Духа Святого сообщили такую полноту, что частные непосредственные вопросы возвысились до уровня общего и всемирного значения. Нет ни одного вопроса интересующего Церковь всех времен, который не нашел бы ответа в этих посланиях, или же, во всяком случае, основных данных для ответа.

И вот, наконец, Откровение, написанное Святым Иоанном Богословом около 92-96 гг., когда он, во время гонения Домициана, был сослан на остров Патмос. Эта таинственная книга, полная словесной мелодии, книга, в которой чередуются сияющий свет и бездонный мрак; книга непосредственно унаследовавшая свой своеобразный стиль от литературного жанра столь характерного для иудейской письменности. Она больше, чем вопль протеста вызывающий к небу и больше, чем голос надежды гонимого христианства. В ее громоблещущих образах проходит перед нами вся судьба человека и уже предначертан ход его будущей истории, судеб личных и исторических, предельная цель которых — конец времен и второе пришествие Христа во славе, к которому взывает заключительное слово этого Писания: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» Так Новый Завет — Новый Союз, начало которому положено воплощением Христовым, завершается славным Его пришествием: замечательная последовательность превышающая человеческую логику! От первого и до второго пришествия цепь событий замыкается и все сказано, завершено.

Заключение

Библия — и книга человеческая и книга Божия

Такова Библия, «книга человеческая и книга Божия», как ее верно определил страсбургский епископ Вебер. Исходя из этого и мы должны уметь проникать в нее, размышлять над ней и любить ее. Это книга Божия, но она «не была дарована готовой с неба», ее писали люди, хотя и просвещаемые Свыше Духом Святым, и поэтому Библия — книга человека, пробуждающая нескончаемые отклики в душе того, кто приступает к ее чтению, исполненный доброй воли. Сколько узников, сколько страждущих больных, сколько путешественников, сколько миссионеров, трудящихся в глуши негостеприимных стран, обретали утешение лишь в чтении священных страниц. В них — неиссякаемый источник воды живой, неперестающий утолять жажду человечества.

Как удивительна трезвая ясность Библии! Она поражает нас множеством точных определений и молниеносных суждений. И не только в великих и исчерпывающих изречениях Христа: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» или «кто из вас без греха, первый брось в нее камень» и в столь многих других, которые сразу затрагивают те душевные глубины, где не уйти от истины, где душа каждого человека видит себя в своей предельной нагоде, — но также и в книгах Ветхого Завета проявляется знание нашей скрытой сущности, знание, изобилующее уроками. Не питается ли и ныне мудрость народов из книги Притчей Соломоновых? Исполненный духовной красоты, крик горести и надежды царя Давида, грешного и кающегося, не наш ли это крик в часы, когда бремя жизни и отчаяние порождают его в груди? А трагическое вопрошание и борение Иова перед тайной человеческого существования, не наши ли они также?

Эта священная книга — книга человеческая и по своим чисто литературным достоинствам и по своей красоте, трогающей наши сердца. Мы уже упоминали об ее многообразии в единстве, в Библии искусно чередуются литературные жанры, постоянно вызывающие интерес читателей. Величественные исторические фрески как Исход, книги Маккавейские, или же Деяния Апостолов, объективность которых много выше, чем в исторических писаниях того времени, или более краткие повествования, где история получает смысл нравственного примера, как книги Иудифи, Товита, Есфири, Ионы, так живы и увлекательны, что многим писателям достаточно было их литературно переработать или же развить, чтобы создать на их основе новые художественные произведения. А как многогранно блистает в Библии художественная красота! Какое поэтическое произведение, созданное человеком, может соперничать с возвышенным взлетом Псалмов, этих крылатых стихов, о которых так хорошо сказал Ламартин, вспоминая то время, когда его мать читала их вслух в семейном кругу: «я понимал, что именно так нужно обращаться к Богу». Чуткость и свежесть выражений, так прекрасно и парадоксально, сочетающаяся с пламенной силой чувств, создает очарование Песни Песней. Никакая песнь человеческой любви не могла ее превзойти (именно потому, что она не только песнь человеческой любви). Можно ли описать наше восхищение перед лицом сотворенного мира, лучше чем этими словами, описывающими возвращение весны в Палестине: «Вот, зима уже прошла, дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковница распустила свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благоухание» (Песн 2:11-13). Какая непревзойденная простота!...

В Библии человек узнает себя и изумляется. Более того: Священное Писание снова и снова учит его. Все в этой священной Книге, по словам апостола Павла, дано «нам в наставление». В читаемых нами словах, в уроках, преподаваемых нам в жизненном опыте Избранного Народа и его судьбой, содержится вся нравственность и ее основа в Библии; нет ни одного принципа, сколько бы его

не выдавали за чисто «светский», который не имел бы своего начала, а зачастую и прекрасной формулировки, в Священном Писании. Общество, которое отходит от библейских принципов, подходит к краю бездны и близится к своей гибели. Мораль общественных, половых, торговых и прочих отношений — все это можно найти в Библии. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, долго была моральным трактатом, преподаваемым юным христианам. Итак, Библия — книга воспитательная по преимуществу (даже если некоторые места в ней, выхваченные из их контекста или из общей перспективы, могут вызвать возмущение и негодование глупцов). «Если бы мне было поручено воспитать человека с самого детства по моему усмотрению, писал Боссюэ, я дал бы ему выбрать несколько прекрасных текстов из Священного Писания и часто давал бы их ему читать, так что он знал бы их наизусть». И епископ Дюпанлу, основательно изучавший Священное Писание, сделал из своих занятий следующий вывод: «После этого чувствуешь себя во всеоружии».

И действительно перед читающим Библию предстает все то, что касается человека — и как окончательно определенное, и как перенесенное в высший план, одухотворенное, вознесенное душевным порывом в ту реальность, которая превосходит земные возможности и ограничения смертных людей. Душа человека находит в ней ту атмосферу, где она может расправиться и расцвести. Именно это стремление к Богу, эта любовь, направленная к Нему, это горячее желание наконец обрести Его и создает полное единство этих разрозненных текстов. И если Дух всюду незримо присутствует в Библии, то можно сказать, что Его присутствие и Его действие ярко проявляются в очень многих местах или, вернее, познаются в этой воодушевляющей силе. «Воздеяние рук моих — жертва вечерняя» — это восклицание Псалмопевца звучит на протяжении всей Книги и именно оно, в конечном итоге, и придает ей подлинный смысл.

О чтении Библии

Итак, недостаточно читать Библию, как читают любую другую книгу, написанную рукою человеческою. Библия — книга молитвенная, книга священная и не напрасно Церковь учит нас молиться по Библии, обращаясь к многочисленным ее страницам, чтобы поддержать наш душевный порыв и помочь изъявлению наших чаяний. Несомненно, останутся непревзойденными те молитвы, которые произносил Сам Христос, чтобы мы могли научиться им. Но и со словами Псалмов не могут соперничать никакие слова человеческие: язык Псалмов явно исходит от Бога и к Нему возвращается, как к своему источнику, когда мы в нашей молитве пользуемся Псалтирью.

Поэтому учащая Церковь желает — как это сказано в Энциклике «*Spiritus Paraclitus*» — чтобы верные в большом числе и часто приступали «к этой трапезе небесного учения, которую Господь Наш уготовал христианскому народу через служение пророков, апостолов и учителей». Слова эти принадлежат папе Бенедикту XV, но подобный образ мы уже находим в «Подражании Христу», где говорится о двух трапезах, предлагаемых Божественным Учителем и уготованных верным: трапезе Евхаристии и трапезе Священного Писания.

Итак, нам следует приступать к чтению Библии с благоговением и любовью и постоянно к ней возвращаться. Приступать с благоговением, ибо каждый из нас, раскрывая Библию, должен повторять слова Господа Моисею: «Место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх 3:5). Для полного понимания текста Писания нужно признать, что он от Бога, и тогда уяснится все, что могло бы показаться темным, смущающим. Более того, нужно полюбить Священное Писание. Таков общий закон, который прекрасно выразил великий французский средневековый мистик Гуго де Сен-Виктор: «Любовь превыше науки, пребольше ума. Любовь дает больше, чем может дать разумение. Любовь проникает туда, куда наука не проникает». Нигде этот закон так не применим,

как в нашем отношении к Священному Писанию. То, что остается темным, непонятым или кажется абсурдным ученому, уверенному в своих методах, таинственным образом открывается очам Святого настоятеля Арского или Святой Терезы Лизийской. В «Подражании Христу» сказано: «Если хочешь почерпнуть пользу от Священного Писания, то читай его в смирении, в простоте, в вере». Более чем где-либо, здесь нельзя достичь высшего смысла, не прибегая к той таинственной силе приобщения и понимания, которую Паскаль так хорошо назвал сердцем.

Любить Библию, чтобы ее понимать — что это значит? Это не значит впасть в фетишизацию текста, как это принято у иных историков литературы в отношении изучаемых ими творений великих писателей; это не значит придавать чрезмерное значение букве в ущерб духу, ибо было сказано, что буква убивает, а дух животворит. Это значит услышать в сокровенных глубинах нашей души голос Того, Кто так возлюбил человека, что вызвал его из небытия и многократно говорил ему в знамениях и пророчествах, а затем устами Своего воплотившегося Сына; это значит любить Бога, Откровение и духовные богатства Которого, обретаются на страницах Его Книги.